

ТЕОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Холокост и рациональность. Текущий модернизм

Глава 4. Современные теории модернизма

Для Зигмунта Баумана современной парадигмой формальной рациональности является Холокост – систематическое уничтожение нацистами евреев (и других).

Как выразился Бауман, «рассматриваемый Холокост как сложная целенаправленная операция может служить парадигмой современной бюрократической рациональности».

Тем не менее есть четкая линия в социологическом мышлении о современной рациональности от бюрократии до Холокоста, а затем до ресторана быстрого питания. Принципы рациональности Вебера могут быть полезны и значимы для каждого. Лица, совершившие Холокост, использовали бюрократию в качестве одного из своих основных инструментов. Условия, которые сделали Холокост возможным, особенно формально рациональная система, продолжают существовать и сегодня.

Продукт модерна (современности)

Вместо того, чтобы рассматривать Холокост, как и большинство других событий, как патологическое, Бауман во многих отношениях видит проявление «нормального» аспекта современного, рационального мира:

«Правда в том, что каждый «компонент Холокоста – все что сделало это возможным, – были нормальными; «Нормальный» не в смысле привычного...но в смысле полного соответствия всему, что мы знаем о нашей цивилизации, ее руководящем духе, ее приоритетах, имманентном видении мира».

Таким образом, Холокост для Баумана был продуктом современности, а не как считают большинство людей результатом разрушения современности или особого пути, принятого в ней. В Веберовских терминах существовало «выборное сходство» между Холокостом и современностью. Например, Холокост подразумевал применение основных принципов индустриализации в целом и, в частности, заводской системы по уничтожению людей:

«[Освенцим] также был мирским продлением современной заводской системы. Вместо того, чтобы производить товары, сырье для человека, а не конечный продукт – смерть, количество единиц которых в день тщательно маркировалось на графиках производства менеджера. Дымоходы, сам символ современной заводской системы, выливали едкий дым, создаваемый горячей человеческой плотью. Блестяще организованная железнодорожная сетка современной Европы принесла на заводы новый вид сырья. Он сделал это так же, как и с другим грузом. Инженеры разработали крематории; менеджеры разработали систему бюрократии, которая работала с интересом и эффективностью. То, что мы видели, было не чем иным, как массивной схемой социальной инженерии».

Роль бюрократии

Немецкая бюрократия сделала больше, чем продолжение Холокоста; в очень реальном смысле она породила Холокост. Задача «Избавление от евреев», поставленная Гитлером, была подхвачена немецкими бюрократами. И поскольку она решила серию повседневных проблем, уничтожение стало лучшим средством идти до конца, поскольку оно было определено Гитлером и приверженцами его политики. Таким образом, Бауман утверждает, что Холокост не был результатом иррациональности или превознесенного варварства, а скорее был продуктом современной рациональной бюрократии. Это были не сумасшедшие безумцы, которые создали и управляли Холокостом, но они были крайне рациональными и в противном случае вполне нормальными бюрократами.

На самом деле, предыдущие усилия, такие как эмоциональные и иррациональные погромы, не могли справиться с массовым истреблением, которыми характеризовался Холокост. Такое массовое истребление требовало высоко рационализированной и бюрократизированной системы. Иррациональная вспышка, такая как погром, может убить некоторых людей, но он

никогда не смог бы успешно провести массовое уничтожение в таких масштабах, предпринятых в Холокосте. Как выразился Бауман, «ярость и гнев – это примитивные и неэффективные инструменты массового уничтожения. Они, как правило, начинают иссякать до выполнения задания». Напротив, современный геноцид, совершенный нацистами, имел, казалось бы, разумную цель – создание «лучшего» общества. К сожалению, для нацистов лучшее общество было свободным от «дьявольских» евреев. И нацисты, и их бюрократы стремились достичь этой цели холодным и методичным образом.

В отличие от большинства наблюдателей, Бауман не видит бюрократию как просто нейтральный инструмент, который можно продвигать в любом направлении. Бауман считает бюрократию «более похожей» на меченных костей. Хотя он может быть использован как в жестоких, так и в гуманных целях, он скорее склонен к бесчеловечным процессам: «Он запрограммирован для измерения оптимальности в таких условиях, которые не будут различать один объект человека от другого, или различать между человеческими и нечеловеческими объектами». И с учетом его основных характеристик бюрократия доведет бесчеловечную задачу до конца и не только. В дополнение к их нормальным операциям, бюрократия имеет общеизвестные недостатки, которые слишком способствовали Холокосту. Например, средства нередко становятся концами бюрократии, и в этом случае убивающие средства часто приводят к концу.

Конечно, бюрократия и ее официальные лица не могли создать Холокост самостоятельно; этому способствовали и другие факторы.

Во-первых, был бесспорный контроль над государственным аппаратом с его монополией на средства насилия над остальным обществом. Другими словами, в нацистской Германии не было каких-либо компенсационных силовых баз. И государство, конечно же, контролировалось Адольфом Гитлером, у которого была возможность заставить государство выполнить свои приказы. С другой стороны, существовала отчетливо современная и рациональная форма антисемитизма, в которой евреи систематически отделялись от остального общества и изображались как люди, мешающие Германии стать «идеальным» обществом. Для достижения этой цели немцы должны были уничтожить тех, кто стоял на пути достижения идеального общества.

Высоко рационализированная немецкая наука использовалась, чтобы помочь определить евреев как дефектных. Как только они были определены как «бракованные» и как барьеры для идеального общества, последовавшее за этим устранение было единственным решением. И как только было определено, что их нужно устранить, единственной важной проблемой, стоящей перед бюрократией, являлся поиск наиболее эффективного способа их уничтожения. Другим фактором здесь является то, что в современных структурах, таких как бюрократии, нет места для нравственных соображений. Было ли уничтожение евреев правильным или нет, это уже не проблема. Отсутствие таких моральных соображений выявляет еще одну причину того, что Холокост явление модерна.

Холокост и рационализация

У Холокоста были все характеристики процесса рационализации Вебера – «макдональдизации». Несомненно, был сделан упор на эффективность. Например, газ определен гораздо более эффективным методом уничтожения большого числа людей, чем пули. Холокост обладал предсказуемостью конвейера: это были длинные составы, ползущие в лагерь смерти, длинные людские ряды, текущие в «душ», «производство» огромных груд тел для ликвидации в конце процесса. Холокост был исчисляем в том смысле, что упор делался на количественных факторах, например на том, сколько людей можно уничтожить и за сколько короткое время.

«Для железнодорожных менеджеров единственная значимая артикуляция их объекта составляет тонны на километр. Они не имеют дело с людьми, овцами или колючей проволокой; они занимаются только грузом, а это означает то, что они представляют объект, полностью

состоящий из измерений и лишенный качества. Для большинства бюрократов даже такая категория, как груз, означала бы слишком строгое ограничение качества. Они касаются только финансовых последствий своих действий. Их объектом являются деньги».

Разумеется, мало внимания уделялось качеству жизни или даже смерти евреев, когда они неумолимо шли к газовым камерам. В другом, количественном смысле, Холокост был самым экстремальным массовым истреблением:

«Как и все остальное, что сделано в современном рациональном, планируемом, научно обоснованном, экспертном, эффективно управляемом, скоординированном образе, Холокост оставил позади и сделал постыдным все его предполагаемые премодернизированные аналоги, подвергая их сравнению с первобытностью, расточительностью и неэффективностью. Как и все остальное в нашем современном обществе, Холокост был высшим достижением во всех отношениях. Он возвышается над прошлыми эпизодами геноцида».

Холокост использовал унифицированные технологии, такие как уставы и предписания в лагерях и поточная работа газовых камер, с целью держать под контролем и заключенных и охрану. Конечно, наилучшим образом соответствующей Холокосту характеристикой макдональдизации является иррациональность рациональности, особенно дегуманизация. Здесь Бауман применяет понятие дистанцирования, чтобы показать, что дегуманизация жертв возможна потому, что бюрократы, которые принимают относительно них решения, не имеют с ними личных контактов. Помимо этого, жертвы превращаются в объект манипуляции и ликвидации, цифры в гроссбухе — это не люди. В общем, «немецкий бюрократический аппарат был поставлен на службу цели, непостижимой в своей иррациональности».

Один из наиболее интересных моментов в рассуждениях Баумана заключается в том, что рациональная система, введенная нацистами, захватила своих жертв — евреев. Гетто было преобразовано в «ответвление губительной машины».

«Так лидеры обреченных общин выполняли основную часть предварительной бюрократической работы, требовавшейся процессу (снабжали нацистов данными и содержали архив на будущих жертв), заведовали производством и распределением, требовавшимся, чтобы жертвы оставались живыми до тех пор, пока газовые камеры не будут готовы их принять, охраняли плененное население так, чтобы закон и порядок не требовали никаких затрат со стороны захватчиков, обеспечивали гладкое течение процесса уничтожения, определяя объекты его последующих стадий, доставляли избранные объекты туда, откуда их можно было забрать с минимальными затратами, и мобилизовывали финансовые ресурсы, необходимые для оплаты последнего путешествия».

Это сходно с идеей о том, что в макдональдизированном мире покупатели превращаются в неоплачиваемых работников этой системы: сами делают салаты, сами убирают за собой и т. д.

При «обычном геноциде» убийцы и убиваемые отделены друг от друга. Убийцы планируют сделать со своими жертвами что-то ужасное, в результате чего вероятно сопротивление потенциальных жертв. Однако такое сопротивление гораздо менее вероятно, когда жертвы являются неотъемлемой частью «системы», созданной преступниками.

Что касается действий евреев, сотрудничавших с нацистами, то они вели себя рационально. Они делали то, что было необходимо для того, чтобы, например, остаться в живых еще на какое-то время или быть выбранными в качестве заслуживающих особого, более мягкого обращения. Они даже использовали рациональные инструменты, например, считали, что принесение в жертву нескольких человек спасет многих, или, что если бы они не сотрудничали с нацистами, то умерло бы гораздо больше людей. В конечном счете, такие действия были иррациональны, поскольку способствовали процессу геноцида и снижали вероятность сопротивления ему.

Современность гордится своей цивилизованностью и тем, что обладает необходимыми гарантиями, чтобы никогда не случилось ничего подобного Холокосту. Но все же это произошло; предосторожности были недостаточны для того, чтобы это предотвратить. Сегодня рационализация не утратила своего влияния, и оно, пожалуй, даже сильнее, чем прежде. Трудно предположить, что защитные механизмы, необходимые для предотвращения неистовства рационализации, сегодня сколько-нибудь сильнее, чем в 1940-х гг.

Как пишет Бауман: «Ни одно из социетальных условий, сделавших возможным Освенцим, в действительности не исчезло, и никаких эффективных мер не было принято, чтобы предотвратить подобные Освенциму катастрофы».

Для предотвращения нового холокоста необходимы сильная мораль и плюрализм политических сил. Но все же сохраняется вероятность эпохи преобладания единственной власти, и трудно поверить, что мы имеем достаточно сильную этическую систему, чтобы предотвратить новое слияние могущественного лидера и энергичной и волевой бюрократии.

Текущий (ликвидный) модернизм

Сегодня Юрген Хабермас, возможно, один из самых важных социальных мыслителей в мире. Он родился в Дюссельдорфе, в Германии, 18 июня 1929 года, его семья была довольно традиционной из среднего класса. В 1957 году статья Хабермаса попала в неприятную историю с руководителем института Максом Хоркхаймером. Хабермас представил критические мысли и практические действия, но Хоркхаймер боялся, что такая позиция поставит под угрозу финансируемый государством институт. Хоркхаймер настоятельно рекомендовал уволить Хабермаса из института.

Хоркхаймер сказал об Хабермаса: «Перед ним открывается возможно блестящая карьера в качестве писателя, но он может причинить институту огромный вред». В конечном итоге статья была опубликована, но не под эгидой Института и практически не имела никакого отношения к ней. В конце концов Хоркхаймер поставил Хабермаса в невозможные условия, и он подал в отставку.

В последнее время Бауман сформулировал новый взгляд на современность – «текущий модернизм», его предыдущие работы были посвящены рационализации и Холокосту. В основном последние включали в себя то, что называется «прочными» структурами, такими как бюрократия и концлагерь, структуры, которые содержали и ограничивали людей различными способами и в различной степени. Тем не менее в серии книг, написанных в 21 веке, Бауман описывает драматические изменения в поздней современности от представленности до большой ликвидности.

В основном и в раннем модернизме цель заключалась в том, чтобы создать и поддерживать то, что было создано как постоянное, тогда как в поздней современности цель становится тем, что объяснит временное. В ранней современности элиты, как правило, были самыми устоявшимися, укоренившимися в поместьях и часто занимались карьерой на всю жизнь с пожизненными работодателями, в то время как бедные были всегда в поисках работы, большей безопасности и т. д. на протяжении всей жизни.

Теперь ситуация в значительной степени изменилась, поскольку элиты стремятся быть как можно более свободными от обременений, чтобы иметь возможность воспользоваться преимуществами быстрых изменений, происходящих в мире, особенно в экономике. Бедные, с другой стороны, в значительной степени застревают в данном месте и не могут воспользоваться такими изменениями; фактически они, скорее всего, и пострадают от изменений в экономике и в других местах (например от закрытых фабрик и потерянных рабочих мест).

Бауман стремится понять сущность текущего модернизма и выявить ее отличительные особенности от более ранней, более прочной формы современности. Более раннюю форму можно рассматривать как веберовскую «железную клетку»; в поздней современности структуры, связанные с такой железной клеткой, гораздо больше похожи на «легкий плащ», который легче переносить людям.

Вместо тюрьмы, в которой доминирует паноптикум, описанным Фуко, мы теперь живем в обществе постпаноптикума, характеризующемся гораздо более легкими формами наблюдения (например наших коммуникаций через Интернет).

Образование в раннем модерне включало в себя изучение всего, что когда-либо понадобилось бы знать в раннем возрасте в школе, тогда как в позднем модерне образование может быть доступным где угодно и рассматривается как процесс на всю жизнь, необходимый для адаптации к меняющимся обстоятельствам.

В раннем современном обществе доминируют производители и материальные объекты, которые они производят в материальных структурах (фабриках), тогда как поздняя совре-

менность характеризуется с высокой скоростью и легкостью потребления. Фактически, согласно Бауману, «текучая жизнь поглощает жизнь». Хотя производители были ориентированы на создание того, что имеет свойство продолжаться, потребители хотят купить то, что имеет более короткий, ограниченный срок службы. Бесчисленные другие контрасты сделаны или подразумеваются Бауманом в его книгах о ликвидности, но ясно, что он создал мощный новый способ взглянуть на (поздний) современный мир.

Незавершенный проект современности

Юрген Хабермас ведущий социальный теоретик, активный представитель современности и рациональности вопреки нападкам на эти воззрения со стороны постмодернистов.

Именно эта приверженность модернизму, наряду с его верой в будущее, отличает Хабермаса от многих ведущих мыслителей современности, таких как Жан Бодрийяр и других постмодернистов. Хотя последние часто приводят к нигилизму, Хабермас продолжает верить в свой пожизненный (и современный) проект. Аналогичным образом в то время как другие постмодернисты (например, Лиотар) отрицают возможность создания «великих повествований», Хабермас продолжает развивать и поддерживать то, что, пожалуй, является наиболее значительной «великой» теорией в современной социальной мысли. Для Хабермаса в его борьбе с постмодернистами многое поставлено на карту. Если победа останется за ними, Хабермаса можно считать последним великим мыслителем-модернистом. Если Хабермас и его сторонники выйдут победителями, его можно рассматривать как спасителя модернистского проекта и «большой» теории в социальных науках.

На протяжении многих лет Хабермас был ведущим в мире неомарксистом. Однако в последние годы его работа расширилась и усилилась множеством различных теоретических материалов. Хабермас продолжает надеяться на будущее современного мира. Именно в этом смысле Хабермас пишет о незавершенном проекте современности. В то время как Маркс сосредоточился на работе, Хабермас занимается главным образом коммуникацией, которую он считает более общим процессом, чем работа. В то время как Маркс сосредоточился на искажающем влиянии структуры капиталистического общества на работу, Хабермас занимается тем, как структура современного общества искажает общение. В то время как Маркс стремился к будущему миру с полным и творческим трудом, Хабермас стремится к будущему обществу, характеризующемуся свободным и открытым общением.

Таким образом, между теориями Маркса и Хабермаса возникают поразительные сходства. В общем, оба являются модернистами, которые верили или верят, что в свое время проект современности (творческая и исполнительная работа для Маркса, открытое общение для Хабермаса) еще не завершен. Тем не менее оба были уверены, что в будущем этот проект будет завершен.

По словам Сейдмана, в отличие от многих современных интеллектуалов, которые выбрали анти- или постмодернистскую позицию, Хабермас видит в институциональных порядках современности структуры рациональности. В то время как многие интеллектуалы стали циничными в вопросе об эмансипационном потенциале современности. Хабермас продолжает настаивать на утопическом потенциале современности. В социальном контексте, в котором вера в проект Просвещения хорошего общества, продвигаемого разумом, видит угасающую надежду и отвергнутый кумир, Хабермас остается одним из сильнейших защитников.

Хабермас рассматривает современность как «незавершенный проект», подразумевая, что в современном мире еще многое предстоит сделать, прежде чем мы начнем думать о возможности постмодернистского мира.

Рассмотрев значительную часть размышлений Хабермаса о современности, его рассуждения о системе, жизненном мире и колонизации жизненного мира системой, можно сказать, что Хабермас занимается «теорией патологии современности», поскольку он считает, что современность находится в противоречии сама с собой. Под этим он подразумевает, что рациональность (в основном, формальная рациональность), которая стала характеризовать социальные системы, отлична от рациональности, характеризующей жизненный мир, и находится с ней в противоречии.

Социальные системы стали более сложными, дифференцированными, интегрированными и характеризуемыми инструментальным разумом. Жизненный мир тоже претерпел возрастающую дифференциацию и уплотнение (за исключением фундаментальных знаний и ценностных сфер истины, добра и красоты), секуляризацию и институционализацию норм рефлексивности и критики. В рациональном обществе рационализация как системы, так и жизненного мира могла бы следовать своим особым путем, подчиняться своей собственной логике. Рационализация системы и жизненного мира привела бы к возникновению общества, в котором присутствовало бы и материальное изобилие наряду с контролем над внешней средой (как следствие рациональных систем), и истина, добро, и красота (проистекающие из рационального жизненного мира). Однако в современном мире система стала главенствовать и подвергла жизненный мир колонизации.

В результате, хотя мы имеем возможность вкушать плоды рационализации системы, мы лишаемся богатства жизни, которое стало бы возможным, если бы мог расцвести и жизненный мир. Многие социальные движения, возникшие на «границе» между жизненным миром и системой за несколько последних десятилетий, можно объяснить сопротивлением колонизации и объединением жизненного мира.

Анализируя колонизацию жизненного мира системой, Хабермас сравнивает свою теорию с примерами из истории социальной мысли:

«Основное направление социальной теории – от Маркса через Спенсера и Дюркгейма до Зиммеля, Вебера и Лукача – должно рассматриваться как ответ на вхождение внесистемных границ в само общество [жизненный мир Хабермаса], на возникновение «внутренней чужой территории», которое понимается как отличительная черта современности».

Иначе говоря, «отличительной чертой современности», по мнению Хабермаса, а также большинства классических теоретиков, является, используя термин Хабермаса, колонизация жизненного мира системой. Что же тогда, по Хабермасу, есть завершение проекта современности? Кажется очевидным, что конечным результатом должно быть совершенно рациональное общество, в котором рациональность как системы, так и жизненного мира могла бы выражать себя полностью, и одна не разрушала бы другой.

В настоящее время мы наблюдаем объединение жизненного мира, и данную трудность следует преодолеть. Однако выход видится Хабермасом не в разрушении систем (особенно экономической и административной), поскольку именно они обеспечивают материальные предпосылки, необходимые для рационализации жизненного мира. Один из рассматриваемых Хабермасом вопросов – трудности, с которыми сталкивается современное бюрократическое государство социального благосостояния. Многими эти проблемы признаются, однако предлагается решать их на уровне системы, например простым добавлением новой подсистемы для разрешения сложностей. Однако Хабермас не считает, что с этими трудностями можно справиться таким способом. Он полагает, что подобные проблемы следует решать во взаимосвязи системы и жизненного мира.

Во-первых, следует установить «сдерживающие барьеры», чтобы уменьшить влияние системы на жизненный мир.

Во-вторых, должны быть созданы «датчики», для того чтобы увеличить воздействие жизненного мира на систему.

Хабермас заключает, что современные проблемы нельзя решить, если системы не научатся лучше функционировать. Скорее импульсы жизненного мира должны быть способны внедряться в самоуправление функциональных систем.

Указанные шаги стали бы важными этапами на пути к созданию взаимообогащающих друг друга жизненного мира и системы. Именно здесь на сцену выходят социальные движения, поскольку они олицетворяют надежду на новое соединение системы и жизненного мира, при котором рационализация сможет проявиться в обоих в максимально возможной степени.

Хабермас мало надеется на Соединенные Штаты, которые, кажется, склонны поддерживать рациональность системы за счет дальнейшего объединения жизненного мира. Однако он возлагает надежды на Европу, которая может положить «конец ошибочному представлению о том, что нормативное содержание современности, заключенное в рационализированных жизненных мирах, можно высвободить лишь средствами еще более сложных систем».

Таким образом, Европа обладает возможностью «решающим образом» усвоить «наследие западного рационализма». Сегодня это наследие преобразуется путем наложения ограничений на рациональность системы с целью дать рациональности жизненного мира возможность расцвести до той степени, когда оба вида рациональности смогли бы сосуществовать в современном мире на равных. Такое полноценное сотрудничество рациональностей системы и жизненного мира стало бы завершением проекта современности. Поскольку мы еще далеки от этой цели, мы далеки и от конца современности, не говоря уже о приближении или наступлении эпохи постмодернизма.

Хабермас и постмодернисты

Хабермас приводит доводы не только в пользу современности, но также против постмодернистов. Некоторая начальная критика проводится им в эссе «Современность против постсовременности», получившем широкое признание. В этом эссе Хабермас поднимает следующий вопрос: «нужно ли нам в свете неудач XX в. и дальше придерживаться целей Просвещения, как бы они ни были неадекватны, или нам следует объявить весь проект современности неудавшимся?». Конечно, Хабермас не является сторонником отказа от программы Просвещения или, иначе говоря, современности. Он предпочитает сфокусироваться на «ошибках» тех, кто отвергает современность. Одно из существенных заблуждений последних состоит в желании отказаться от науки, особенно от науки жизненного мира. Отделение науки от жизненного мира и предоставление ее экспертам в сочетании с созданием других автономных сфер вызвало бы отказ от «проекта современности в целом». Хабермас не отрицает возможность рационального, «научного» понимания жизненного мира, равно как и возможность рационализации этого мира.

Холуб предложил обзор основной критики Хабермасом постмодернистов.

Во-первых, постмодернисты не говорят однозначно о том, что они создают: серьезную теорию или беллетристику. Если относиться к ним как к создателям серьезной теории, тогда их творчество становится абсурдным из-за «их отказа использовать институционально учрежденную лексику». С другой стороны, если трактовать творчество постмодернистов как литературу, «тогда их аргументы утратят весь логический смысл». В любом случае становится практически невозможно провести серьезный критический анализ творчества постмодернистов, поскольку они всегда могут заявить, что мы не понимаем смысла их слов или их литературных приемов.

Во-вторых, Хабермас считает, что постмодернистами движут определенные нормативные настроения, но каковы эти настроения от читателя скрывается. Таким образом, читатель не способен из сформулированных ими целей понять, что на самом деле они берут в расчет, почему они критикуют общество. Кроме того, умалчивая о своих нормативных установках, постмодернисты, при этом вслух, отвергают такие установки. Отсутствие подобных высказанных мнений препятствует разработке постмодернистами осознанной практики, нацеленной на преодоление тех сложностей, которые они обнаруживают в мире. Ясность и отчетливая формулировка Хабермасом своих пристрастий (свободная и открытая коммуникация), напротив, проясняет источник его критики общества и формирует основу для политической практики.

В-третьих, Хабермас обвиняет постмодернизм в том, что это обобщающий подход, который не может «различать явления и практики, происходящие в современном обществе». Например, утверждение о том, что в мире господствуют власть и надзор, недостаточно детализировано для того, чтобы был возможен полноценный анализ реальных источников угнетения в современном мире.

Наконец, постмодернисты обвиняются в игнорировании той сферы, которую Хабермас однозначно считает главной, — повседневной жизни и ее практик. Эта оплошность постмодернистов означает двойной недостаток. С одной стороны, они отрезаны от существенного источника разработки нормативных стандартов. В конце концов, рациональный потенциал, присутствующий в повседневной жизни, является для Хабермаса источником

Книга: Теория современной социологии

Глава: 4. Современные теории модернизма

Лекция: 23. Холокост и рациональность. Текучий модернизм

его идей о коммуникативной рациональности. С другой стороны, повседневный мир также образует конечную цель деятельности социальных наук, поскольку именно здесь теоретические представления могут иметь влияние на практику.

Хабермас формулирует удачное обобщение своих взглядов на современность-пост-современность, которое послужит для нас переходом к следующей теме, где мы рассмотрим постмодернистскую социальную теорию: «Понятие современности более не выступает с обещанием счастья. Но, несмотря на все разговоры о постсовременности, этой форме жизни нет явных рациональных альтернатив. Что же нам тогда остается, кроме поиска практических улучшений в рамках этой формы жизни?».